

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 37.016=161.1

***Е. Б. Попкова,
Л. И. Бутенко,
Е. И. Борисова***

***Eugeniya B. Popkova,
Luydmila I. Butenko,
Elena I. Borisova***

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

FUNCTION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE PROCESS OF RUSSIAN CULTURE CODE ACQUISITION

В статье рассматривается вопрос овладения русским языком иностранными студентами как кодом русской культуры, так как именно в языке воплощается мировоззрение, свойственное народу. На примере использования выразительных средств русского языка (лексики, устойчивых выражений, фразеологизмов, синтаксических конструкций), выступающих кодом русской культуры, показывается процесс освоения иностранными студентами ментальных установок русской культуры.

In the article the question about Russian language acquisition by foreign students as a code of Russian culture is considered because language contains national world views. On the example of Russian language expressive means using (vocabulary, set expressions, phraseological units, syntactic constructions), which perform as Russian cultural code, the process of Russian culture mental installation acquisition by foreign students is shown.

Ключевые слова: высшее образование, код русской культуры, иностранные студенты, язык, коммуникация, средство общения, языковая картина мира.

Key words: высшее образование, Russian cultural code, foreign students, language, communication, a means of communication, linguistic world-image.

Попкова Евгения Борисовна

кандидат социологических наук, доцент
кафедры «Иностранные языки» ЮРГПУ
(НПИ) (г. Новочеркасск)

Popkova Eugeniya B.

Candidate of Sociological Sciences,
Associated Professor of Department of
Foreign Languages Platov South-Russian
State Polytechnic University (NPI)
(Novocherkassk)

Бутенко Людмила Ивановна

кандидат педагогических наук, про-
фессор кафедры «Иностранные языки»
ЮРГПУ (НПИ) (г. Новочеркасск)

Butenko Luydmila I.

Candidate of Pedagogical Sciences,
Professor of Department of Foreign
Languages of Platov South-Russian
State Polytechnic University (NPI)
(Novocherkassk)

Борисова Елена Игоревна

доцент кафедры «Иностранные языки»
ЮРГПУ (НПИ) (г. Новочеркасск)

Borisova Elena I.

Associated Professor of Department
of Foreign Languages of Platov South-
Russian State Polytechnic University (NPI)
(Novocherkassk)

e-mail: ruskaf@list.ru

e-mail: ruskaf@list.ru

© Попкова Е. Б., 2014

© Popkova E. B., 2014

© Бутенко Л. И., 2014

© Butenko L. I., 2014

© Борисова Е. И., 2014

© Borisova E. I., 2014

В XXI в. сохранение и дальнейшее развитие человеческой цивилизации связывают с необходимостью взаимного культурного общения во всех сферах жизнедеятельности людей (политике, экономике, культуре), важнейшим каналом и средством которого выступает образование. В современном мире в сфере образования сложилась устойчивая тенденция к интернационализации и интеграции. Развитые страны усиливают конкурентную борьбу за лидерство в мировой системе образования, что в современном обществе является одним из наиболее эффективных инструментов влияния.

По данным ЮНЕСКО число лиц, получающих высшее образование за пределами своей страны, увеличилось за последние 10 лет почти на 30 %. В настоящее время образовательные услуги иностранным гражданам предоставляют 129 государств мира. Россия занимает восьмое место по численности обучающихся иностранных граждан после США (586 тыс. человек), Великобритании (233 тыс. человек), Германии (200 тыс. человек), Франции (160 тыс. человек), Австралии (157 тыс. человек), Испании (124 тыс. человек) и Канады (100 тыс. человек) [1].

Иностранные учащиеся, прибывающие в Россию для получения образования, оказываются в сложной ситуации. Они должны осваивать будущую профессию, обучаться на неродном языке, адаптироваться к незнакомому обществу и культуре. Иностранному студенту необходимо не просто владеть

русским языком в специальных целях, а стараться с помощью углубленного изучения языка познать код российской культуры, что будет способствовать комфортному пребыванию в стране и успешному освоению будущей профессии.

Язык – передатчик, носитель культуры, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через заложенные в языке видение мира, отношения к людям и т. п., т. е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения [1]. О роли языка в процессах коммуникации писали еще ученые Нового времени: Д. Вико, И. Гердер, В. Гумбольдт и другие исследователи. В XX в. американский культурный антрополог Ф. Боас и британский социальный антрополог Б. Малиновский смогли установить неразрывную взаимосвязь языка, мышления и культуры.

Большое количество научных работ посвящено изучению интегрирующей роли языка в социокоммуникативных процессах. Эта проблема нашла отражение в классических работах А. Мейе, Э. Сепира, Ф. Соссюра и в исследованиях современных ученых – В. Д. Бондалетова, М. В. Панова, И. М. Поповой, Л. В. Шор. Современные исследователи уделяют большое внимание изучению роли иностранного языка в формировании компетенций выпускника и его способность осуществлять профессиональную коммуникацию с представителями других культур.

В настоящее время общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. Универсальные значения, одинаково понимаемые всеми людьми в мире или представителями определенных цивилизационных типов, создают почву для взаимопонимания. В то же время в любой культуре имеются присущие только ей культурные значения, закрепленные в языке [2, с. 81–82].

В рассмотрении языка можно выделить два направления. Первое направление – это анализ лексики, устойчивых выражений, фразеологизмов, в которых конкретизируется, воплощается конкретно-историческая картина мира данного народа. Второе направление – анализ грамматических, синтаксических структур, часть которых создает рамку для формирования национальной картины мира [3, с. 22].

Как правило, при исследовании языковой картины мира лингвисты, прежде всего, обращают внимание на лексический фонд языка, выступающий как «верхний слой» культуры.

Лексические единицы – это тот поверхностный пласт языка, культурная специфика которого наиболее очевидна. Однако они не исчерпывают всего набора средств, по которым проводится национально-культурная дифференциация языковых картин мира. Это объясняет, почему усвоение лексического фонда иностранного языка в отрыве от культуры обычно не приводит к кардинальной трансформации картины мира: коммуникант лишь применяет иностранные слова к собственному, уже существующему видению действительно-

сти. «Выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком» [4, с. 48].

Более скрыто специфика народа проявляется в синтаксическом построении языка. Синтаксис кодирует определенный способ осмысления мира, и, усваивая его, индивид приобщается к национальному миропониманию (конечно, это не единственный способ). Особенность синтаксиса проявляется в степени жесткости структурной конструкции расположения различных частей речи в предложении.

Исходя из этих общих методологических позиций, рассмотрим выразительные средства русского языка, которые выступают кодом русской культуры.

Голландский исследователь Г. Хофстеде в своей работе «Последствия культуры» представил ряд критериев для описания культуры наций, которые получили название «измерения Г. Хофстеде». Автор выделяет пять измерений культуры: коллективизм – индивидуализм; маскулинность – феминность; индекс дистанции власти; избегание неопределенности; краткосрочная – долгосрочная ориентация на будущее [5].

Исходя из этих параметров, русская культура традиционно считается коллективистской, соборной. У. Г. Стефан и М. Абалкина-Паап полагают, что русские проявляют низкую заинтересованность в личных достижениях, тенденцию к выражению своих импульсов, а не к их подавлению, высокую ценность личностных взаимоотношений, ориентировку на групповые ценности в противовес индивидуальным, крепкие семейные узы [6, с. 376]. «Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. <...> С Ивана Калиты <...> личность была придавлена огромными размерами государства, предъявляющего непосильные требования» [7, с. 12].

Существует распространенное мнение о том, что свойством русской культуры является бытийность – созерцательное отношение к действительности, философствующее бездействие. Русская неагентивность заключается в «ощущении того, что людям неподвластна их собственная жизнь <...>, склонность к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента <...>, как контролера событий» [8, с. 33–34].

Если рассматривать русскую культуру по параметру маскулинность – феминность, то нужно отметить, что русская культура – феминная культура. «Русский народ не хочет быть мужественным строителем, – пишет Н. А. Бердяев, – его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, она всегда ждет мужа, жениха, властелина. Россия – земля покорная, женственная. <...> Русская безгосударственность – не завоевание себе свободы, <...> а свобода от активности» [7, с. 32].

Русская культура отличается эмоциональностью. Хорошо известна точка зрения А. Вежбицкой, которая считает концепты «душа», «судьба», «тоска» ключевыми для русской культуры. Немало написано о загадочности русской души, которую Н. А. Бердяев объясняет ее иррациональностью и близостью к

природе. Так, А. Вежбицкая характеризует русскую душу как духовную сердцевину, внутренний театр, на сцене которого проходит моральная и эмоциональная жизнь личности.

Иностранцы очень часто говорят об открытости русских. Для русских открытость в коммуникации означает готовность раскрыть свой личный мир собеседнику. «Русские – самый общительный народ в мире – пишет Н. А. Бердяев. – У русских нет условностей, нет дистанции, есть потребность часто видеть людей, с которыми у них даже нет особенно близких отношений, выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь <...>, вести бесконечные споры об идейных вопросах. <...> Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла» [7, с. 471].

Русская культура принадлежит к культурам с низким уровнем избегания неопределенности. Русские привыкли жить в состоянии неопределенности, что имеет причины в историческом развитии России, а также в событиях последних лет. «Что же мы? <...> У нас свой конек», который «бегаёт по непашаным зыбким полям, где нет планов, а есть быстрота реакций и гибкость психики» [9, с. 323].

Рассмотрим, как эти особенности русской культуры находят свое отражение в русском языке на уровне лексических единиц, грамматических и синтаксических конструкций.

В лингвистической литературе противопоставление по параметру индивидуализм/коллективизм довольно часто связывается со спецификой употребления местоимений. «... В английском языке личное местоимение I всегда пишется с большой буквы, – отмечает С. Г. Тер-Минасова. – Может ли русский человек представить себе, что Я всегда пишется так, как I? Да никогда! Это было бы нескромно, неприлично, странно, противно и менталитету, и характеру – выпячивание себя. В русском языке с большой буквы пишется местоимение ВЫ, когда оно употребляется в единственном числе, т. е. относится к одному человеку. Таким образом, подчеркивается особенно вежливое отношение к другому человеку. <...> Не ты, а Вы, да еще с большой буквы – двойная уважительность» [4, с. 214]. Кроме того, русские любят подчеркивать, что «я» – последняя буква алфавита.

Еще одним языковым проявлением коллективизма/индивидуализма могут служить различия на уровне синтаксиса. Современный исследователь В. Г. Гак выдвигает этнопсихологическую гипотезу, согласно которой народы «самовыражаются» через использование синтаксических конструкций. Более высокая степень развития индивидуализма обуславливает тенденцию начинать свою речь с «Я». «Русский человек, напротив, старается не выделять себя, он как бы отходит на задний план, предпочитая употреблять безличные обороты или конструкции, в которых семантический субъект выражен косвенным падежом: Мне кажется; наверное; может быть, а не «Я считаю», Придется уйти... Что же теперь делать...» [10, с. 57].

Современный исследователь Н. Д. Арутюнова отмечает, что для русского языкового сознания типичен «пространственно-предметный, а не темпорально-фактивный, статический, а не динамический, живописный, а не кинематографический подход к миру жизни» [11, с. 793–794]. По ее мнению, концептуальный комплекс простор–воля–стихия соотносится с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, что находит свое воплощение не только в лексическом фонде, но также в безличных возвратных формах, выражающих независимое от человека развитие событий, и невозвратных формах переходных глаголов, получающих значение неуправляемого действия или стихийного поведения.

«Русская грамматика изобилует конструкциями, в которых действительный мир предстает как противопоставленный или как, по крайней мере, независимый от них» [8, с. 70–71]. Например, широко распространены неагентивные предложения – конструкции с дательным падежом субъекта (мне не верится, мне хочется, мне помнится) и безличные конструкции (его убило молнией, его лихорадило). Носители русского языка часто используют их, рассказывая о событиях и подразумевая, что «таинственные и непонятные события происходят вне нас совсем не по той причине, что кто-то делает что-то, а события, происходящие внутри нас, наступают отнюдь не потому, что мы этого хотим» [8, с. 71]. Неагентивность является характерной чертой русской лексики, что можно проследить на примере глаголов типа «удалось», «успеть/не успеть», «получилось», «вышло», «посчастливилось», «повезло». Значение перечисленных глаголов сводится к тому, что событие произошло помимо воли человека, и достижения приписываются неконтролируемой силе (везению, удаче, судьбе).

Современный автор А. Вежбицкая полагает, что безличные конструкции в русском языке отражают культурную традицию воспринимать мир как совокупность событий, не поддающихся человеческому контролю и разумению. События, которыми человек не может управлять, отражаются в русском языке с помощью инфинитивных конструкций с модальными словами (нужно, необходимо, нельзя, должно) или без модальных слов (не бывать, не жить, ни пройти, ни проехать), а также с помощью рефлексивных конструкций (не спится, не пишется, хотелось) [8, 71–92].

Русский язык отличается эмоциональностью. Об эмоциональности русского языка написано очень много. «Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, – отмечал Н. М. Карамзин, – но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности». На высокую степень эмоциональности и вариабельности русского характера и его отражения в языке указывает В. И. Шаховской [13, с. 13–19]. С. Г. Тер-Минасова отмечает, что грубость российской жизни «отразилась в языке не только богатым запасом бранных выражений, но, как это ни парадоксально, также любовью к ласкательно-уменьшительным словам, диминутивам, и активным использованием языковых средств выражения подчеркнутой вежливости» [4, с. 154].

Русская эмоциональность проявляется в языке на всех уровнях (большое количество эмоционально окрашенных слов; свободный порядок слов в предложении, который позволяет выражать тончайшие нюансы чувств и т. д.). С. Г. Тер-Минасова отмечает русскую эмоциональность, реализуемую через возможность выбора между местоимениями ты и вы, наличие большого количества уменьшительно-ласкательных суффиксов, олицетворение окружающего мира через категорию рода. Она также указывает на более частое употребление восклицательного знака, чем в английском языке [4, с. 151–159].

Говоря об открытости русской культуры необходимо отметить, что для русских общение является ценностью независимо от того насколько оно информативно. Русская фразеология позволяет оценить с разных точек зрения эффективность или неэффективность общения, например:

1) высокий уровень языковой компетенции: владеть словом/даром; за словом в карман не лезет; пальца в рот не клади;

2) серьезное отношение к делу: шутки в сторону, ближе к делу; сказано – сделано; уговор дороже денег;

3) прямота, искренность и правдивость: говорить без обиняков; вести/гнуть свою линию; ставить вопрос ребром; понимать с полуслова; раскрывать/изливать душу; называть вещи своими именами;

4) немногословие и сдержанность в общении: прикусить язык; слово – серебро, а молчание – золото; молчание – знак согласия; взвешивать свои слова;

5) отсутствие логики высказываний: набор слов; начал за здоровье, а кончил за упокой; городить околесицу; нести ахинею/околесицу/чушь/ересь;

6) неоправданные повторы: сказка про белого бычка; жевать жвачку; ходить вокруг да около; тянуть kota за хвост;

7) бесполезность общения, расхождение слова и дела: болтать языком; бросаться словами; пустой звук; язык без костей; бобы разводить;

8) неискренность: заговаривать зубы; втирать очки; заливаться соловьем; без мыла в душу лезть; морочить голову;

9) конфликтность: лезть в душу; злой на язык; кто старое помянет, тому глаз вон; драть глотку; затыкать глотку; распускать язык; валить с больной головы на здоровую; втаптывать в грязь [2, с. 161].

Русская культура принадлежит к культурам с низким уровнем избегания неопределенности. Это проявляется, прежде всего, на уровне лексики. Достаточно часто в русской языковой практике используются выражения «авось», «на всякий случай», «в случае чего», «если что». А. Д. Шмелев приводит типичные контексты для «авось»: «Авось обойдется; авось ничего; авось пронесет» [14, с. 135]. В русском «авось» прослеживается уверенность в нелогичности и непредсказуемость мира.

Выражения «на всякий случай», «в случае чего», «если что» также описывают ощущение мира как чего-то нелогичного, где может случиться все, что угодно, возникнуть любые непредвиденные обстоятельства.

Анализ специфики структуры предложения в русском языке приводит к выводу о том, что и на синтаксическом уровне прослеживается осмысление мира как образования без четкой структуры. Это мир, в котором может случиться все. Использование в предложениях модальных слов, частиц, междометий выражает «... общие жизненные установки говорящего, причем скрытые в неассертивных компонентах высказывания» [14, с. 133].

Особенности установок культуры, специфика языкового поведения носителей культуры отражается также в прецедентных феноменах культуры. Прецедентные феномены культуры – это набор представлений о различных аспектах культуры, предъявленный в виде письменных или устных текстов, часто употребляемых в речевой деятельности для выражения эмоционально-коннотативного отношения к определенным событиям, фактам, реалиям действительности и без труда декодируемых представителями, принадлежащими к одному сообществу [15, с. 34]. К прецедентным феноменам можно отнести: прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания. Примером прецедентной ситуации, которая воспринимается как предательство вообще, может служить предательство Иудой Христа. К числу прецедентных текстов относятся произведения художественной литературы, тексты рекламы, анекдотов, публицистические тексты, которые хорошо известны любому члену сообщества данной культуры и достаточно часто используются в речи.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, или имя собственное, получившее переносное значение, например, Плюшкин из поэмы Н. И. Гоголя «Мертвые души», ассоциируется со скряжничеством, имя Иван – это символическое имя русского человека. Некоторые имена знаменитых государственных, политических деятелей, писателей, художников: Александр Невский, Владимир Ильич Ленин, Александр Пушкин, Илья Репин. Некоторые имена принадлежат животным: Мишка – медведь, Васька – кот. Прецедентные высказывания – это цитаты из различных текстов, пословицы, поговорки. Такие фразы извлекаются из памяти и хорошо известны всем носителям культуры.

Пословицы и поговорки именно в своей меткой и лаконичной форме наиболее отчетливо отражают черты национального характера. Пословицы «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Старый друг лучше новых двух», «Ученье – свет, а не ученье – тьма» в нескольких словах раскрывают важные «черточки» характера, которые «своими словами» пришлось бы долго расшифровывать [12, с. 98].

Крылатые слова – вошедшие в нашу речь из литературных источников краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц. Например: «Всерьез и надолго», «Лучше меньше да лучше» (В. И. Ленин); «Человек – это звучит гордо» (М. Горький).

Девизы, лозунги, крылатые фразы, которые выражают определенные философские, социальные, политические воззрения. Например: Учиться, учиться и учиться. Мир, труд, май. Любите книгу – источник знания. Аналогично

и общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки: Труд создал человека. Количество переходит в качество. Народ – творец истории.

Изучение языка важнейшая составляющая процесса обучения иностранных студентов в российском вузе. Обучение русскому языку как иностранному строится в соответствии с европейской системой уровней владения иностранным языком и соответствует: уровень А – уровень элементарного и базового владения языком; уровень В1 – I сертификационный уровень; В2 – II сертификационный уровень; уровень С1 – III сертификационный уровень (профессиональное владение); С2 – IV сертификационный уровень (уровень носителя русского языка). Для достижения каждого уровня требуется разное время. Так, для того, чтобы овладеть уровнем А, понадобится примерно год изучения языка, а для достижения уровня С1 понадобится 5–6 лет изучения языка и пребывания в стране, что может привести к формированию бикультуральной личности.

На подготовительном отделении программа по русскому языку рассчитана на 680 учебных часов и предполагает, что к концу обучения иностранный студент достигает Первого сертификационного уровня владения русским языком. Этот уровень позволяет удовлетворить основные коммуникативные потребности иностранных граждан средствами русского языка в сфере повседневного общения, социально-культурной и учебно-профессиональной сферах общения. Этот уровень обеспечивает необходимую языковую базу для поступления в вузы Российской Федерации, для скорейшей адаптации в условиях социально-культурной среды, для общения с носителями языка (не только в условиях языковой среды, но и вне ее), для осуществления профессиональной деятельности в коллективах, где русский язык является рабочим языком, для ознакомления с историей и культурой России, национальными традициями русского народа. В рамках программы изучения русского языка этого уровня студенты-иностранцы начинают знакомство с географией, историей, экономикой, культурой России, с известными деятелями науки и культуры Российской Федерации.

Для знакомства иностранных студентов с ценностями, нормами, русской культуры преподаватели русского языка пользуются следующими приемами: чтение адаптированных текстов из художественных произведений русских, советских писателей, изучение фразеологизмов, пословиц, поговорок.

Для достижения Второго сертификационного уровня владения русским языком требуется не менее 720 учебных часов. На этом уровне иностранец должен уметь осуществлять речевое общение в устной и письменной формах в рамках социально-бытовой, официально-деловой и социально-культурной сфер общения, понимать основные социально-поведенческие характеристики говорящего, цели и мотивы собеседника, характер его отношения к предмету речи, выраженные эксплицитно.

Использование на занятиях русского языка микротекстов из произведений А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и др. писателей является эффективным средством познания страны, народа и его культуры. У студентов складывается представление о характере русского человека, о традициях и

обычаях, о системе принятых в данном обществе социальных, нравственных и эстетических ценностях.

Работа с аутентичными материалами российского телевидения значительно повышает мотивацию изучения языка, помогает лучше понять реальную жизнь современной России. Учащиеся изучают материалы, повествующие о самых различных аспектах жизни российских людей.

Также большим успехом в иноязычной аудитории пользуются художественные фильмы российского и советского производства. Студенты из СНГ с большим удовольствием смотрят фильмы режиссера Л. Гайдая, с которыми они познакомились еще на Родине. Для них это «советское кино», которое некогда являлось частью культуры, принадлежащей великой державе – СССР, в состав которого входили и нынешние страны СНГ.

С целью ознакомления с социокультурным пространством вуза на занятиях по русскому языку преподаватели рассказывают студентам об истории создания университета, факультетов, знакомят с биографиями выдающихся ученых.

Многообразные формы работы: беседы о традициях обучения в вузах России, экскурсии по российским городам, встречи с интересными людьми, работа «Русского клуба», олимпиады по русскому языку, факультативные лекции-беседы по эстетическому воспитанию, кружки по разговорной практике, вечера поэзии – способствуют более успешному усвоению русского языка. Иностранцы получают возможность приблизиться к пониманию лучших традиций России.

Яркие примеры, убедительные факты, связанные с местом обучения иностранных учащихся, в силу своей документальности, доказательности обладают большим эмоциональным зарядом. Они могут стать для учащихся не только иллюстрацией к изучаемому материалу, но и позволить им приблизиться к пониманию духовных ценностей российского общества.

Для достижения Третьего сертификационного уровня требуется 280 учебных часов. В рамках данного уровня иностранец должен уметь воспринимать информацию социально-культурного характера, выраженную как в эксплицитной, так и в имплицитной форме, на уровне общего, детального и критического понимания, понимать и адекватно интерпретировать тексты, относящиеся к социально-культурной сфере общения (с достаточно высоким уровнем содержания прецедентной информации), понимать основное содержание научно-популярного текста, а также логически и эмоционально-образные составляющие этого содержания.

Четвертый уровень владения русским языком предполагает дальнейшее самостоятельное совершенствование языковых навыков и умений.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что для получения качественного образования иностранный студент должен стремиться к углубленному изучению лексического пласта языка, синтаксических конструкций, отражающих ценностные установки российской культуры, особенности поведения носителей российской культуры.

Литература

1. Бутенко Л. И. , Воденко К. В. , Денисова И. В. и др. Русская культура и русский язык: история и современность / науч. ред. К. В. Воденко. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2013.
2. Леотович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.: ГНОЗИС, 2005.
3. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. – СПб., 2003.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2000.
5. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd Edition, Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.
6. Stephen W. G. , Abalakina-Паар М. Russian and the West // Handbook of Intercultural Training / ed. by D. Landis and R. S. Bhagat. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996.
7. Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
9. Профессионалы за сотрудничество. Вып. 1. – М.: «Янус-К», 1997.
10. Гак В. Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000.
11. Арутюнова Н. Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского // Логический анализ языка: языки пространств. – М., 2000.
12. Русские писатели о языке / под ред. Б. В. Томашевского, Ю. Д. Левина. – Л.: Советский писатель, 1954.
13. Шаховской В. И. Эмоции и их концептуализация в различных лингвокультурных контекстах // Русистика: сб. науч. тр. – Киев, 2001.
14. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. – М., 2002.
15. Литвиненко Е. Ю., Федорова Л. Ю. Функционирование прецедентных феноменов культуры в сознании современной студенческой молодежи. – Ростов н/Д, 2010.

References

1. Butenko L. I. , Vodenko K. V. , Denisova I. V. and other. Russian culture and Russian language: history and modernity: monograph / Scientific. Ed. K. V. Vodenko. – Novocherkassk: SRSTU (NPI), 2013.
2. Leotovich O. A. Russians and Americans: Paradoxes of Cross-Cultural Communication. – М.: GNOZIS, 2005.
3. Mel'nikova A. A. Language and National Nature. – St. Petersburg, 2003.
4. Ter-Minasova S. G. Language and Cross-Cultural Communication. – М.: SLOVO, 2000.
5. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd Edition, Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.
6. Stephen W. G. , Abalakina-Паар М. Russian and the West // Handbook of Intercultural Training / ed. by D. Landis and R. S. Bhagat. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996.
7. Berdyaev N. A. The Fate of Russia. – М.: Sov. writer, 1990.
8. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. – М.: Rus. dictionaries, 1996.
9. Professionals for Cooperation. Ed. 1. – М.: «Yanus-K», 1997.
10. Gak V. G. Language as a form of Nation Self-Expression // Language as Instrument of Culture Transmission. – М.: Science, 2000.
11. Arutyunova N. D. Two Sketches to Dostoevski's «Geometry» // Logical Analysis of Language: Languages of Spaces. – М., 2000.
12. Russian Writers about Language / ed. by B. V. Tomashevski and Yu. D. Levin. – L.: Sov. writer, 1954.
13. Shahovskoi V. I. Emotions and their conceptualization in Different Linguistic-Cultural Contexts // Russian Philology: col. Scientific Works. – Kiev, 2001.
14. Shmelev A. D. Russian Linguistic World Model. Materials for Dictionary. – М., 2002.
15. Litvinenko E. Yu., Fedorova L. Yu. Functioning Precedent-Setting Phenomenons of Culture in Consciousness of Modern Student Youth. – Rostov-on-Don, 2010.